

Братья Аловы

БОРОДИНО: ДВЕ ПОБЕДЫ И ДВА ПОРАЖЕНИЯ.

"... когда начинается сражение, никогда нельзя сказать - как оно кончится".

Из афоризмов Наполеона.

Вечером 7 сентября 1812 года на равнине в ста десяти километрах западнее Москвы смолкли последние орудийные залпы, которыми обменивались обескровленные армии. Никто уже не хотел атаковать.

Двенадцатичасовое сражение завершилось.

Но с той поры до сего дня отзвуки канонады этой битвы отражаются на страницах обширной историографии, посвященной Войне 1812 года. Корпуса концепций и дивизии субъективных мнений с таким ожесточением атакуют друг друга, словно хотят провести свое альтернативное Бородино.

Отечественная война и Бородинское сражение давно стали национальной легендой, подобно кампаниям Наполеона для французов, Ватерлоо и Трафальгару для англичан, и Войне за независимость для американцев.

Как таковые, эти события перестали быть частью прошлого и обрели бытие в другом мире, став священным преданием.

В этом мире Абсолюта легенд и мифов действуют свои законы, и один из главных - презумпция неподвластности любому суду фактов, бывших когда-то частью человеческой истории, а ныне преобразившихся в нетленные монументы.

О подобного рода феноменах допускается говорить либо хорошее, либо ничего, хотя известно, в какой ситуации, и по отношению к кому принят такой ритуал.

Подход к истории как к путешествию через минное поле по единственно возможной дороге не мог не привести к соответствующим результатам.

"Я не знаю описания Бородинского сражения вполне свободного от окраски псевдопатриотизмом. Когда такие сочинения пишутся для солдат, для народа, для кадет, то подобный характер изложения, если и не всегда извинителен, то, во всяком случае, объясним той целью, для которой книга издается. Но для интеллигентных читателей на первом плане должна стоять историческая истина, которая немислима без объективности изложения. Образованному читателю иллюзии не нужны; они подрывают у него веру в правдивость историка даже там, где не должно быть сомнений в том".

Эта пространная цитата принадлежит не какому-то очернителю отечественной истории, но подлинному русскому патриоту, известному военному специалисту А.П.Скугаревскому. Она взята из его работы "Бородино", вышедшей к юбилею битвы в 1912 году.

В XIX и начале XX веков - в чем легко может убедиться каждый желающий - русские авторы относились к событиям 1812 года далеко без должного официального пиетета последних десятилетий, а именно так, как следует относиться к исторической проблеме.

Особняком в освещении эпопеи 1812 года стояла позиция известного в 1920-х начале 1930-х годов "красного профессора Покровского" и его последователей, которые лишили эту войну звания "Отечественной", и объявили реакцией феодалов на прогрессивные действия представителей французской буржуазно-демократической революции.

Несомненно, позицию этой школы, просуществовавшей, впрочем, весьма непродолжительный период, единственную можно по праву назвать очернительской во всей отечественной историографии.

Но очень скоро она была успешно решена и практически закрыта трудами целой плеяды советских историков 1930-х - 1970-х годов (таких как Л.Г.Бескровный, Н.Ф.Гарнич, П.А.Жилин). Во исполнение указа одного известного лица, незримо водившего их перьями, было постановлено считать Бородино полной тактической и стратегической победой Кутузова, а его самого - полководцем, более гениальным, чем Наполеон.

В последнее десятилетие Бородино и его эпоха вновь изменили статус и обрели право на проблематику и дискуссионность, которая, вероятно, не скоро кончится, поскольку события самых последних лет придают особую актуальность всему, что связано с военной историей Родины.

Пионером новейшей историографии, вновь привлечшим внимание заинтересованной аудитории к опечатанным тайнам Войны 1812 года и, в частности, Бородинского сражения, явился профессор Н.А.Троицкий с его монографией "1812. Великий год России", вышедшей в 1988 году.

Однако, не пора ли, завершив беглый экскурс в безбрежное море литературы об Отечественной войне, вернуться в 1812 год, чтобы пристальнее взглянуть на события, произошедшие на Бородинском поле и, по

мере возможности, попытаться понять, почему до сих пор каждый из бывших противников празднует свою победу в знаменитой битве под Москвой?

В ночь на 24 июня 1812 года 448-тысячная армия Наполеона начала переправу через Неман близ города Ковно. Бонапарт принял решение одним ударом разрубить узел проблем, завязанный континентальной блокадой Англии, и принудить Александра I беспрекословно подчиниться ее требованиям.

Русский император, в свою очередь, не только не хотел оставаться младшим партнером, но и вообще не желал признавать гегемонию Франции в Европе.

Так началась война, ставшая для России Отечественной.

ДВЕ АРМИИ: БАЛАНС СИЛ.

Что представляли собой войска Наполеона и Александра с точки зрения реальной боевой мощи? Французская армия почти по всем параметрам считалась лучшей в мире, но к 1812 году ее блестящие достоинства стали заметно тускнеть.

Армия Франции являлась уникальным, невиданным ни до, ни, возможно, после явлением в военной истории. Слова "солдат" и "человек" были в ней тождеством, а не абсурдным сравнением, как в войсках всех, без исключения, государств Европы. Это была армия свободных людей, а не крепостных войны, исполосованных шомполами и шпицрутенами.

Таковой ее сделала Революция, как бы не относиться к этому событию. За плечами французских солдат стояли идеалы свободы и единения, а в бой их вел человек, который парадоксальным образом олицетворял их в глазах большинства.

Несомненно, французская армия обладала, в отличие от своих противников, качеством, которое следует назвать пассионарностью, несмотря на неудачную расплывчатость и расхожесть этого термина.

Войска Франции комплектовались на основе всеобщей воинской повинности, декрет о которой был издан еще в 1793 году. Такой системы комплектования не было нигде в Европе. Она позволяла формировать массовые армии, срок службы в которых составлял шесть лет, тогда как в России, например, он равнялся 25 годам. К тому же всегда имелась возможность призвать из запаса значительное количество обученных и обстрелянных ветеранов, тогда как рекрутчина сиюминутно могла дать армии лишь беспомощных в военном отношении, деревенских парней.

Однако "Великая армия" Наполеона в 1812 году была одновременно и самой большой по численности за всю эпоху его войн, и наихудшей по состоянию боевого духа.

Мало того, что французы составляли менее половины ее численности, а из остальных национальных формирований по-настоящему боеспособны были поляки корпуса Понятовского и итальянцы 4-го корпуса Евгения Богарне, пасынка Наполеона, тогда как все прочие представляли собой, в лучшем случае, потенциальных дезертиров (немецкие части), в худшем - мародеров (особенно вестфальцы), а в самом крайнем - перебежчиков на вражескую сторону (испанцы и португальцы).

Собственно французские части были уже иными, чем в 1805 году, при Аустерлице. Долгие войны на чужой территории с неясными для большинства солдат целями истощили боевой дух. Шагреневая кожа пассионарности французской армии заметно сузилась.

Война же с Россией 1812 года вообще была самой непопулярной из тех, что вел Наполеон. Другим и не могло быть отношение французов к походу в бескрайние пределы дикой и враждебной Азии.

Французская тактика, рожденная в предреволюционные годы, испытанная и развитая в период революционных войн и доведенная до совершенства Наполеоном, являлась "оружием нового поколения", дававшим изначальное преимущество над соперниками, тактические построения которых уступали французским приблизительно так же, как фитильная аркебуза кремневому ружью.

Сущность этой новой тактики заключалась в маневрировании батальонных колонн, прикрытых по фронту рассыпным строем стрелков. Такой боевой порядок позволял быстро перемещать войска на поле битвы и сосредотачивать большое их количество на меньшей площади.

Все это было невозможно для остальных армий, упрямо придерживавшихся концепций XVIII века, чей боевой строй представлял собой сомкнутые линии, маневрирование в которых чрезвычайно затруднено. Другим важным преимуществом французов являлось тактическое использование артиллерии, сосредоточиваемой в большие батареи для ведения концентрированного огня.

Этому способствовала конструкция облегченного лафета, благодаря чему французские орудия были самыми мобильными в мире.

Но и в тактической оснащенности французских войск появились изъяны. В связи с наличием большого контингента малообученных новобранцев проявилась тенденция использовать устрашающие дивизионные

колонны, обладающие большой пробивной мощностью, но слишком уязвимые для артиллерийского огня противника, что приводило к неоправданному увеличению потерь.

Командный состав наполеоновской армии представлял собой удивительный исторический феномен. Обычно маршалов Наполеона сравнивают или с диадохами, полководцами Александра Македонского, или с генералами Третьего рейха. Однако следует иметь в виду, что и те, и другие были профессиональными военными, тогда как птенцы гнезда Бонапартова в большинстве своем стали выдающимися полководцами, выйдя из среды, ничего общего с военным командованием не имеющей.

Помимо необычайной судьбы и одаренности, бесспорно не имевшей себе равных, французский генералитет отличался от командования всех прочих европейских армий также значительно меньшим возрастом при, по крайней мере, равном боевом опыте.

Например, если средний возраст генерала австрийской армии составлял 63 года, то маршалу Даву в 1812 году было 42 года, Нею - 43, Мюрату - 45, и лишь начальнику штаба "Великой армии" Бертье было 59 лет. Нет смысла лишней раз говорить о талантах полководцев наполеоновской эпохи, но приведенные факты говорят о том, что они приобрели опыт старости, сохранив энергию молодости.

Это редкое сочетание обеспечило им безусловное превосходство над противостоящими военачальниками. Конечно, командование "Великой армии" было вполне укомплектовано талантами. Это и наиболее выдающийся из них - Даву, как стратег уступавший только самому Наполеону и маршалу Андре Массена; Мастер атаки Мишель Ней - "храбрый из храбрых"; не до конца оцененный по достоинству как полководец вице-король Италии Евгений Богарне; малоизвестный отечественному читателю кавалерийский генерал Луи-Пьер Монбрен, которого современники считали, с чем солидаризируются новейшие военные историки, лучшим кавалерийским военачальником Франции (а вовсе не Мюрата!).

Способными и обстрелянными в боях были и другие старшие офицеры и генералы, носившие менее громкие имена и звания. Но не было с Наполеоном в его походе на Россию двух звезд его полководческой плеяды, чье присутствие могло бы существенно повлиять на стратегическую ситуацию в войне. Это маршалы Франции Жан Ланн и уже упоминавшийся Андре Массена. Первый из них, которого Наполеон считал наиболее талантливым из всего французского генералитета, его правая рука, был убит в сражении с австрийцами под Асперном (Эслингом) в 1809 году.

Второй же, сражавшийся на равных с Суворовым в кампании 1799 года, пребывал в опале за свою дерзость по отношению к императору, которая превзошла его неистребимую страсть к казнокрадству.

Отсутствие этих полководцев с большой буквы, особенно Ланна, который пользовался исключительным доверием Наполеона, было тем ощутимее, что оба они являлись стратегами, способными к проведению самостоятельных операций, каждый из которых мог подменить (временно или вынужденно) самого Бонапарта на посту главнокомандующего.

Заканчивая разговор о достоинствах и недостатках армии Франции, необходимо сказать несколько слов о состоянии самого императора в 1812 году.

Однажды маршал Сен-Сир сказал, что Наполеон вел себя под Бородино как государь, а не полководец, не изменяя по ходу битвы приказаний, отданных накануне.

Однако следует заметить, что так же он вел себя и в начале кампании.

Это можно проиллюстрировать примером участия в походе бездарного брата императора Жерома Бонапарта. Человеку, место которого было в обозе, Наполеон доверил командование группой корпусов и поручил совместно с Даву окружить и уничтожить армию Багратиона. У города Несвижа Жером должен был замкнуть кольцо окружения, но он двигался столь празднично, что побил все рекорды медлительности всех европейских армий. В результате Багратиону удалось вырваться и сохранить свои войска.

Доверив из своевольных "самодержавных" соображений ответственную операцию своему родственнику, Наполеон упустил отличную возможность не только уничтожить Вторую русскую армию, но и, возможно, выиграть войну. На солнце его военного гения явственно проступили пятна капризного самообмана, венценосного упрямства, недооценки противника.

Оставаясь первым полководцем в мире, Наполеон, отягченный бременем славы собственных побед, начал деформироваться как стратег и терять быстроту реакции как тактик.

Что же могла противопоставить такому смертельно опасному противнику Россия?

Сильнейшей стороной русской армии были особые качества ее солдат. По упорству и необычайной стойкости в обороне, выносливости и беспрекословному повиновению приказам русский солдат не имел себе равных в Европе. Барклай-де-Толли считал, что рядовой российской армии вообще лучший в мире. После битвы при Прейсиш-Эйлау в 1807 году Наполеон сказал, что русского мало убить, надо еще его повалить. Русский солдат считался непревзойденным в штыковом бою, особое отношение к которому

утвердилось в армии со времен Суворова.

Поразительно, но все эти достоинства обнаруживались у людей, "взятых из рабства" (по выражению иностранца - свидетеля событий 1812 года) и оказавшихся на 25-летней каторге военной службы на основе феодального рекрутского набора. По ужасающим условиям военного быта и степени забитости солдат русская армия снискала печальную пальму первенства в Европе.

Тот факт, что солдаты армии, в которой даже теоретически не могло быть места чувству личного достоинства, обладали столь высокой боеспособностью, бесспорно относится к величайшим тайнам "загадочной русской души".

Говоря о достоинствах российских войск, нельзя не отметить также артиллерию. Правда, русская артиллерия не была столь же маневренной, как французская, но по количеству и калибру орудий превосходила ее. Кроме пушек на вооружении русской армии состояли единороги. От обычных орудий они отличались большим калибром и меньшим весом за счет укороченного ствола.

Не меньшее значение имели также отличная выучка и выдержка артиллерийской прислуги.

"Организация русских войск никогда не отличалась стройностью системы, управление ими никогда не могло быть причислено к образцовым, а обучение только в редких периодах истории бывало оригинальным и самостоятельным".

Так, с нелицеприятностью досюветского периода охарактеризовал данные аспекты военного потенциала России уже упоминавшийся ранее военный историк А.П.Скугаревский.

К началу XIX века в России прочные позиции занимала организация войск, соответствующая линейной тактике Фридриха II, сторонником которой был император Павел I. Однако поражения, которые потерпели русские в 1805-1807 годах от наполеоновских войск, заставили нового императора Александра I заняться срочной реорганизацией армии, и взяв за образец организацию и тактические боевые порядки французов.

Кстати сказать, этот же процесс и в те же сроки протекал в Пруссии и Австрии.

За период 1806-1812 годов русская армия существенно изменилась. В ней появились новые уставы, введенные военным министром Барклаем-де-Толли, в тактическом и организационном плане она, по крайней мере, ликвидировала ту пропасть, которая разделяла армии Франции и России.

Важно отметить, что реорганизация армии с утверждением тактики разомкнутого строя, подразделенным на корпуса, дивизии и бригады была опробована в войне с Турцией (1806-1812гг.) и со Швецией (1808-1809гг.) и закреплена боевым опытом.

В результате этих мер в новой армии оказались возрожденными традиции Суворова, которые при его жизни не нашли применения за пределами вверенных ему как главнокомандующему войск.

Говоря о российском командном составе, вновь воспользуемся цитатой из книги Скугаревского: "Среди начальников всех степеней, до корпусных командиров включительно, в русской армии не было людей особенно талантливых, но все они были преданы долгу... и беззаветно готовы были на жертвы для избавления Отечества от вторгнувшегося врага".

В русской армии 1812 года было немало генералов, которые могли бы стать заслуженными боевыми маршалами у Наполеона.

Это, например, генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров, о котором солдаты говорили, что его с позиции не свернешь без рычагов; генерал-лейтенант Петр Петрович Коновницын, командир образцовой дивизии, "с виду простак, а на деле - герой"; или генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, о котором сам Наполеон сказал: "Этот русский генерал сделан из материала, из которого делаются маршалы".

Но наиболее полным воплощением самых лучших и в то же время характерных противоречивых черт русского генерала того времени являлся командующий Второй армией князь Петр Иванович Багратион. Кумир солдат, лучший, по мнению Наполеона, русский генерал, он имел много общего с французским маршалом Неем.

Багратион обладал наилучшими тактическими талантами среди российских военачальников и наибольшей энергией, но дар стратега отсутствовал в нем, так же как и в Нее.

Он великолепно справлялся с подчиненной ролью командующего Второй армией, но на роль главнокомандующего не годился, и даже представлял опасность для всей русской армии, которую мог бы погубить свойственной ему безоглядной горячностью.

Другие русские генералы, менее яркие, были похожи на Багратиона в одном отношении: они были исполнителями с самыми скромными, если не сказать больше, стратегическими способностями.

Как показали события Отечественной войны, в России нашлось два полководца, оказавшихся способными вынести бремя стратега, ответственного за судьбы армии и государства.

Первый - Михаил Богданович Барклай-де-Толли - незаслуженно "загнанный" герой Войны 1812 года. На его долю выпало фактическое главнокомандование русскими войсками в самый тяжелый период войны,

тяготы которого были усугублены недоверием к нему со стороны окружения императора, генералов, офицеров и солдат. Недоверие скоро переросло в презрение, а затем сменилось ненавистью. Восстанавливая историческую справедливость, следует признать, что Барклай-де-Толли сохранил русскую армию и внес в победу над французами вклад, ничуть не меньший, чем его счастливый преемник Кутузов, который, в сущности, продолжил и развил его дело.

К сожалению недооценка Барклая-де Толли как полководца и военного организатора бытует и поныне. Можно с уверенностью сказать, что чествование Кутузова настолько же справедливо, насколько несправедливо забвение Барклая.

Совершенно особняком стоит среди прочих русских военачальников противоречивая фигура Михаила Илларионовича Кутузова. Ученик и соратник Суворова, он, в отличие от него, пользовался расположением таких разных государей, как Екатерина Великая и ее сын Павел, император Александр и генсек Сталин. Суворов хорошо знал и ценил Кутузова, но из всех черт отмечал в нем две: хитрость и осторожность. Скугаревский пишет, что Кутузов "... в свое время был человек замечательного ума с преобладанием хитрости над шириною полета мысли и осторожности над смелой решительностью".

Несомненно, Кутузов обладал стратегическим талантом, однако он и в молодости не проявлял никаких проблесков гениальности. К моменту назначения главнокомандующим ему исполнилось 67 лет, и по общему мнению современников он "значительно уже одряхлел".

Эти слова могут показаться нашим современникам кощунственными, однако многие боевые генералы 1812 года отнеслись к его назначению через призму этого определения, причем особое негодование проявил Багратион.

Как ни огорчает подобная характеристика, диагноз подтвержден прискорбным фактом: главнокомандующий скончался спустя восемь месяцев после описываемых событий.

Что же касается противоречивости мнений о его военных талантах, то насколько они справедливы, показало Бородинское сражение, речь об этом еще впереди.

Сравнивая потенциал русской и французской армий, прежде всего следует сказать о том, что противники хорошо знали друг друга. В 1805-1807 годах между ними произошло четыре крупных сражения. В битвах при Пултуске (1806г.) и в ожесточенном сражении при Прейсиш-Эйлау (1807г.) ни та, ни другая сторона не смогли добиться ощутимого перевеса. Сражение под Фридландом (1807г.) завершилось победой Наполеона. Но самым знаменитым было сражение под Аустерлицем (1805г.), где французы совершенно разгромили русско-австрийскую армию.

Такой баланс в целом верно определял соотношение сил. В организационном и тактическом аспектах, по уровню командного состава и, естественно, в сравнении главнокомандующих, французская армия была сильнее. В противоборстве с войсками Наполеона русские почти всегда придерживались тактики устойчивой вязкой обороны, хотя и она зачастую не могла спасти от поражения.

Однако теперь, сражаясь на своей территории и защищая собственную страну, русская армия получила чрезвычайно важное для нее преимущество: сознательное мужество отчаяния и готовность умереть за осязаемые ценности своей Родины. Духовная инъекция подобного рода, полученная войсками, и без того обладавшими выдающимися боевыми качествами, превращала российскую армию в непредсказуемо мощную силу.

ПОГОНЯ ЗА ГЕНЕРАЛЬНЫМ СРАЖЕНИЕМ

Война Наполеона с Россией напоминала поединок тигра с медведем, который, чем дольше затягивается, тем больше дает шансов на победу более выносливому медведю.

Чтобы заставить Александра пойти на диктуемые мирные соглашения, Наполеону необходимо было уничтожить русскую армию, и после этого угрожать одной из столиц, или им обеим, штурмом, поскольку рекрутская система комплектования армии не позволяла России набрать в короткий срок новые войска.

Правительство Александра I отсутствием продуманных действий предоставило для этого отличные возможности. Три русские Западные армии общей численностью около 220 тысяч человек без 100 тысяч резервных корпусов, стоявших во втором эшелоне в глубоком тылу, были разбросаны по фронту в 660 километров. Они не имели ни единого согласованного стратегического плана, несмотря на то, что с 1810 года их было выработано более двадцати, ни даже главнокомандующего, поскольку царь до 18 июля лично находился в войсках и наотрез отказывался покидать их.

Суворов еще в 1796 году писал, что главный источник военной опасности в Европе исходит от Франции, что война с Россией будет развязана французами после занятия ими Польши и с ее территории, и что для противодействия противнику необходимо держать вблизи границы полумиллионную армию. Но Россия,

словно библейская невеста, как всегда оказалась не готова.

Но несмотря на столь выгодную стратегическую ситуацию, война с первых же дней обернулась для французов неприятными неожиданностями, а Наполеона и его полководцев словно преследовал злой рок. Начался массовый падеж лошадей из-за нехватки фуража, войска наполеоновской армии продвигались по чудовищным русским дорогам слишком медленно, подавляемые собственной численностью; продовольственные обозы отставали, а возможность поддерживать армию за счет реквизиций местных ресурсов уже тогда оказалась более чем проблематичной.

Но хуже всего было то, что ни сам Наполеон, ни его маршалы, никак не могли навязать сражения Первой Западной армии Баркляя-де-Толли и окружить Вторую армию Багратиона. Барклай, отступая на восток, дважды, под Вильно и Витебском, выводил свои войска из-под удара Бонапарта, уклоняясь от сражения. Багратиону, благо даря бездарности Жерома, удалось вырваться из окружения под Несвижем, а затем избежать поражения под Могилевом. Как ни старался Даву помешать Багратиону встретиться с Барклаем, это ему не удалось. 3 августа Первая и Вторая Западные армии соединились у Смоленска.

Попытка Наполеона втянуть русских в сражение за Смоленск не удалась. Ожесточенный штурм этого города 16-18 августа стал не прелюдией к решающей битве, а арьергардным боем со стороны объединенных русских армий. 18 августа войска Баркляя оставили город и продолжили отступление вглубь страны. Еще в Витебске Наполеон к вящей радости всех приближенных провозгласил: "Кампания 1812 года окончена!" Однако через несколько дней его армия бросилась догонять русских.

После Смоленского сражения, когда не только исчезла возможность разбить Баркляя и Багратиона поодиночке, но и вновь не удалось принудить противника дать решающий бой, на повестку дня стал вопрос о судьбе кампании.

К моменту занятия Витебска потери "Великой армии" достигли 150 тысяч, из которых 135 тысяч составили больные и дезертиры. Каждый день французы теряли по этой причине 5-6 тысяч солдат, как указывает историк Жан Тюлар.

Армия таяла на глазах и ее численность стремительно выравнивалась с войсками противника, а русские по-прежнему уклонялись от решительной схватки. Сложилась ситуация, которая позволила современному английскому историку Чарльзу Исдейлу сделать вывод, что Наполеон уже почти проиграл войну.

Однако Бонапарт не знал об этом и, после долгих колебаний, приказал выступить из Смоленска в погоню за Барклаем, полагая, что приближение к Москве заставит русских прекратить отступление и дать бой.

Действия французского императора напоминали азарт преследуемого неудачами игрока, который упрямо продолжает партию в надежде на единственный шанс на выигрыш. Таковым для Наполеона остался только расчет на новый Аустерлиц.

Между тем положение в отступающей русской армии было далеко не блестящим. Подозрительная стратегия бегства от неприятеля по собственной территории, неизвестность и приближение к Москве оказали тяжелое деморализующее воздействие на боевой дух войск. Сам же Барклай оказался в исключительном и ужасном положении: один против России. Его ненавидел весь русский мир: от последнего крестьянина и рядового солдата до Аракчеева и Великого князя Константина Павловича. Не дожидаясь прямого предъявления обвинения в измене, Барклай решил дать генеральное сражение в начале сентября у села Царево-Займище, но в ситуацию вмешался Александр I. 29 августа в ставку русской армии прибыл князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, назначенный царем новым главнокомандующим.

Солдаты и офицеры встретили сообщение о назначении Кутузова с ликованием - как будто второй Суворов прибыл к ним; генералитет отнесся к нему холодно, как ко второму Барклаю, а император заявил: "Что же касается меня, то я умываю руки..."

Кутузов счел позицию у Царева-Займища невыгодной и отвел войска к Можайску. Здесь, у села Бородина, решено было встретить Наполеона, поскольку Кутузов понимал, что никакие стратегические соображения не оправдают в глазах общества дальнейшее отступление.

4 сентября Наполеону доложили, что русская армия занимает позиции для генерального сражения.

Теперь все зависело от того, сможет ли он разыграть свою последнюю козырную карту.

ТРИ ДНЯ ДО БОЯ

Знаменитый древнекитайский военный теоретик Сунь-цзы говорил: "Бросай своих солдат в такое место, откуда нет выхода, и тогда они умрут, но не побегут. Если же они будут готовы идти на смерть, как же не добиться победы?"

Кутузов привел свою армию на поле, с которого было очень удобно отступать (по четыре телеги в ряд), и все же для русской армии это была "местность смерти", потому что каждый был готов скорее умереть, чем

отступить.

Бородинское поле представляло собой холмистую равнину, пересеченную ручьями и оврагами, покрытую кустарником и мелколесьем. С юга и востока его окаймляли ольховые и березовые леса.

С запада на восток поле пересекала столбовая Смоленская дорога, которая вела на Можайск, а затем и на Москву. По ней и продвигались отступающая русская и преследующая ее французская армии.

С юго-запада на северо-восток по полю протекала небольшая речка Колоча, впадавшая в Москву-реку. Она была мелководной, но имела крутые и обрывистые берега.

У села Бородина, где река пересекалась с дорогой, через Колочу был перекинут мост. Немного западнее в нее впадала с севера другая речка, Война. С юга в Колочу впадал Семеновский ручей. Поле было открыто для действия артиллерии и кавалерии, в остальном же ничем с тактической точки зрения, не примечательно, за исключением одного: с этой позиции можно было легко отступить, чего не хватало Цареву-Займишу.

Поэтому Кутузов согласился дать бой Наполеону именно здесь.

В остальном никаких преимуществ эта позиция не давала.

Князь Багратион высказался по этому поводу так: "Все выбираем места и все хуже находим".

Русская армия заняла позицию протяженностью восемь километров по правому, господствующему берегу Колочи. Правый фланг армии упирался в берег Москвы-реки, фронт ее был обращен на северо-запад.

Никого почему-то не смущало, что французы наступали по Смоленской дороге с запада-юго-запада, то есть прямо в левый фланг, который завис посреди поля.

Впрочем, Кутузов позаботился о своем левом фланге. Здесь, возле деревни Шевардино, был сооружен пятиугольный редут на 12 орудий, полевое укрепление, предназначенное для ведения кругового огня.

На правом фланге были также сооружены укрепления, Масловские люнеты, защищенные с трех сторон рвом и валом. Их бастионы, оснащенные двумя артиллерийскими батареями, смотрели прямо на Москву-реку.

То, что открытой тыльной частью - горжей - люнеты были обращены как раз к наступающему противнику, было данью все еще не изжитому в русской армии преклонению перед прусской тактикой, постоянно доводившему своих последователей до абсурда. Масловские укрепления, единственные, были достроены до конца и, единственные, не сделали за время битвы ни одного выстрела по врагу.

Кутузов составил диспозицию предстоящего сражения. в ее основе лежала одна мысль: не допустить прорыва противника по Смоленской дороге на Москву.

В диспозиции излагался порядок построения русских войск, то есть констатировался тот факт, что справа стоит армия Барклая-де-Толли, а слева - Багратиона, коим и предписано ими командовать.

Командовать непосредственно правым флангом было поручено генералу от инфантерии Михаилу Андреевичу Милорадовичу, сербу по происхождению, герою Итальянского похода Суворова, левым - князю Андрею Ивановичу Горчакову, племяннику Суворова, также отличившемуся во многих сражениях. Центр возглавил уже упомянутый генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров.

По содержанию диспозицией предусматривались три пункта: первый - стоять в соответствии с планом, второй - отражать неприятеля и действовать по обстановке, и, наконец, третий и главный - отступать ввиду необходимости в соответствии с полученными на сей случай указаниями.

Первую линию войск составляли пехотные корпуса, за ними располагались кавалерийские. Спереди строй был прикрыт егерями и артиллерией. Был также выделен резерв.

На активные контратакующие действия в диспозиции не содержалось и намека.

Русская армия ожидала подхода неприятеля. И он не заставил себя ждать, причем, чего боялись, то и случилось.

В полдень 5 сентября армия Наполеона подошла к позициям Кутузова против открытого левого фланга русских. Наполеон с ходу приказал авангарду в составе тридцати тысяч пехоты и десяти тысяч кавалерии атаковать.

Таким образом Шевардинский редут из левофлангового превратился в передовое укрепление. В 14 часов русские войска под командованием князя Горчакова приняли первый бой с французами.

С князем остались двенадцать тысяч, остальные войска левого фланга Кутузов велел отвести к деревне Семеновской и развернуть фронтом на запад. Теперь русская армия выстроилась в форме тупого клина с вершиной восточнее Бородина.

Бой за Шевардинский редут разгорался. Со стороны французов его обстреливали 186 орудий, с русской стороны на их огонь отвечали всего 46. Русские имели превосходство в артиллерии, они ждали противника на заранее подготовленной позиции, и все же были захвачены врасплох. Наполеон мгновенно создал подавляющее превосходство в людях и артиллерии. Русские солдаты и офицеры проявляли чудеса героизма, оплачивая своей жизнью ставшую притчей во языцех неповоротливость собственных командующих.

На редут обрушились три линейных пехотных полка дивизии генерала Компана из корпуса Даву, а за ними, по мере подтягивания, дивизии генералов Фриана и Морана. Слева на редут налетела польская кавалерия Понятовского, справа - французская - Мюрата.

Наконец князь Багратион не выдержал, сел на коня и лично возглавил контратаку 2-й кирасирской дивизии генерал-майора Дуки. В 17 часов начался ожесточенный кавалерийский бой. Здесь в полном составе сражался арьергардный 4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса.

К 23 часам Кутузов приказал Горчакову оставить редут. Последние защитники отступили к Семеновской. Шевардинский бой стал первым кровавым валом, обрушившимся на Бородинское поле. По данным историка XIX века М.Богдановича только русские потеряли в нем шесть тысяч человек. Чего стоила эта победа французам, правдиво описал Проспер Мериме в рассказе "Взятие редута". В финале его из всех офицеров полка, штурмовавшего редут, в живых остается только один лейтенант.

На приказ Наполеона показать ему захваченных в бою русских пленных подчиненные ответили молчанием. Таковых не оказалось.

Шевардино показало и Кутузову, и Наполеону, что ожидает их армии, когда придет роковой "девятый вал". Рассчитывать на то, что любая из них дрогнет и в панике расстроит свои ряды не приходилось.

Тем не менее Наполеон отклонил предложение Даву обойти ночью левый фланг русских силами 40-тысячной армии, поскольку боялся, что русские, узнав об этом, снова отойдут без боя. Сомнения в том, что Кутузов примет бой, не покидали французского императора вплоть до ночи накануне сражения. Однако на сей раз они оказались беспочвенными. День 6 сентября русская армия провела в приготовлениях к предстоящему сражению. Левый фланг находился в большой опасности. Он был развернут на совершенно открытой местности, и против него постепенно выстраивалась большая часть французской армии.

Наполеон привел к Бородину около 134 тысяч солдат при 587 орудиях. Остальная часть его главной группировки оказалась рассеянной по просторам России: кто умер от болезней, кто охранял растянутые коммуникации.

Численность русской армии хрестоматийно определяется в 120 тысяч человек при 640 орудиях. Однако профессор Н.А.Троицкий, уделивший в своей монографии особое внимание этому вопросу, называет следующие цифры: 115 тысяч регулярных войск, 11 тысяч казаков и 28 тысяч московских и смоленских ополченцев, что в сумме составляет почти 155 тысяч.

Сопоставляя эти данные, следует прийти к выводу о примерном равенстве сил. Несмотря на формальное численное превосходство русской армии, она не имела фактического преимущества.

Дело в том, что реальной боеспособностью у русских обладали 126 тысяч регулярных войск и казаков. Ополченцы являлись, по существу, вспомогательными нестроевыми частями, которые могли представлять угрозу противнику разве что во времена Минина и Пожарского. Достаточно сказать, что основная их масса была вооружена пиками, оружием, которое, по определению московского генерал-губернатора графа Ростопчина "никуда не годно и безобидно".

Поэтому московские ополченцы использовались на земляных работах, а смоленские в качестве санитаров. Что касается артиллерии, то здесь русские имели не только количественное, но и качественное преимущество, так как орудия крупного калибра составляли у них четверть от общего числа стволов, тогда как у французов их насчитывалась только одна десятая.

Кутузов приказал отрыть новые укрепления, и бросил на их строительство все Московское ополчение, около 7 тысяч человек. С такими силами можно было возвести вал через все Бородинское поле, если бы не маленькая неувязка: генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин взялся прислать лопаты, которые прибыли только к концу Бородинского сражения.

Поэтому строительство укреплений так и не было завершено к его началу. Французская кавалерия в ходе атаки заскакивала на них не только с горжи, т.е. с незащищенной тыльной части, но и в лоб, прямо через бруствер. Кое-как была укреплена люнетом господствовавшая над полем Курганная высота, на которой разместились батареи из 18 орудий (успели оборудовать места только для двенадцати). Это была прославленная впоследствии "Батарея Раевского", названная так по имени командующего седьмым пехотным корпусом, который дислоцировался вокруг батареи.

Высота была крайне неудобна для обороны. Кто бывал на Бородинском поле, мог и сам видеть, что ее склон, обращенный к французам, пологий и гладкий. Тот же, по которому должны подходить подкрепления из тыла - крутой, и обрывается в овраг. Кутузов растянул левый фланг до конца поля, до деревни Утица, за которой начинался густой лес. Через Утицу проходил обычный проселок из Ельни в Можайск, который историки часто величают Старой Смоленской дорогой, в отличие от столбовой Смоленской, которую по такому случаю нарекли Новой.

Примерно посредине, между Курганной высотой и Утицей, были насыпаны еще три земляных укрепления, флешей, названные впоследствии Семеновскими, по месту расположения у деревни Семеновская, или Багратионовыми, так как его армия составляла левое крыло русского войска.

Флешей защищали артиллерийскую позицию, оснащенную 24 орудиями, и были обращены углом к противнику. Из резерва в Утицу был скрытно переброшен 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова. Кутузов рассчитывал, в случае успеха, нанести этим корпусом удар во фланг французской армии. Наполеон, в свою очередь, считая Багратионовы флешей крайним фланговым укреплением русских, пустил в обход их Польский корпус князя Понятовского. В результате Понятовский и Тучков встретились лоб в лоб, и обходной маневр не удался ни тому, ни другому.

С колокольни села Бородина было видно, что главные силы французской армии строятся против батареи Раевского и Багратионовых флешей. Таким образом, численно меньшей Второй армии Багратиона, расположенной к тому же на открытой местности и прикрытой лишь недостроенными укреплениями, противостояла большая часть французских войск.

План Наполеона в корне отличался от диспозиции Кутузова. Это было сугубо конкретное руководство к действию. Наблюдатели не обманулись. Против многочисленной, и к тому же занимавшей позицию, изобиловавшую естественными укрытиями, Первой армии Барклая, Наполеон поставил лишь корпус своего пасынка, сына Жозефины, вице-короля Италии Евгения Богарне, который, в отличие от королевского брата Жерома, славился военными талантами и благородством.

В его задачу входила демонстрация активности в центре и на правом фланге русских. Исполнив это, вице-король Евгений должен был оставить против армии Барклая лишь боевое охранение, сам же со всеми своими частями - атаковать армию Багратиона на участке батареи Раевского. Основные силы Наполеона, в которые входили корпуса Даву, Нея, Мюрата, Жюно, а также гвардейские корпуса Мортье и Лефевра, были сосредоточены против 7-го пехотного корпуса Раевского, 8-го пехотного корпуса Бородин и 4-го кавалерийского корпуса Сиверса, а также двух дивизий: гренадерской Карла Мекленбургского и кирасирской Дуки.

Задачей всех этих сил при поддержке корпуса князя Понятовского (Наполеон еще не знал о корпусе Тучкова, занявшем Утицу), было обрушиться на левый фланг русских.

Вторая армия была обречена. Снова на главном направлении удара одному русскому солдату противостояло трое, а то и четверо французов.

Начальник штаба армии Беннигсен и Барклай убеждали Кутузова сдвинуть Первую армию влево, от Новой Смоленской дороги до флешей, то есть туда, куда, в действительности, и был направлен удар Наполеона. Еще левее, уступом, предлагалось расположить Вторую армию. Таким образом, за счет глубины построения и возможности выделить резерв, можно было бы не только контролировать обе дороги на Можайск, но и противопоставить Наполеону глубоко эшелонированную оборону с возможностью активной контратаки. Но престарелый полководец оказался непреклонен. Новая Смоленская дорога была для него смыслом предстоящего сражения, за нее он боялся больше всего, ее охранял, будучи уверен, что отступление - наиболее вероятный исход из предстоящего сражения. Ни о каком активном противодействии Бонапарту, а уж тем более, о победе над ним, и речи быть не могло. Был ли он просто стар, или лучше других оценивал свои возможности?

В конце концов, Ганнибала сокрушил осторожный Фабий Максим, а талантливый Сципион лишь достойно завершил его дело. Поэтому большая часть русской армии выстроилась фронтом в пустоту, не имея против себя неприятеля. В то же время она не могла перейти в наступление, так как местность впереди была сильно пересеченной и удобной именно для обороны.

Другая же, меньшая ее часть, была выставлена командующим посреди чистого поля, практически на убой, против всей, без малого, французской армии, а пространство между флешами и Утицей, полторы версты, вообще было прикрыто только цепью егерей князя Шаховского.

Перебрасывать части Первой армии на левый фланг все равно пришлось, по тому что, вопреки опасениям главнокомандующего, Новая Смоленская дорога Наполеона не заинтересовала, и ни в центре, ни на правом фланге Кутузова враг так и не появился. Целые корпуса русской армии перемещались в ходе сражения по рокадным (не из тыла к фронту, а вдоль фронта) направлениям, под жесточайшим огнем французов. Они приходили с большим опозданием, и, еще не вступив в бой, уже несли огромные потери.

Генералы Кутузова лихорадочно резали новые штаны на заплатки, что бы латать ими старые. Практическое отсутствие единого командования русской армией привело к неоправданному и ненужным потерям.

И недаром князь Андрей Болконский в романе Толстого получает смертельное ранение не в бою, а находясь в резерве, куда, благодаря нелепому построению русской армии в форме угла, французские ядра залетали с легкостью (предельная дистанция выстрела из пушки составляла тогда всего версту, и поначалу огонь

французов не достигал даже передовых русских укреплений).

Устранившись от руководства армией, Кутузов фактически лишил ее шанса на победу. Русская армия уподобилась боксеру, привязанному в своем углу за ногу. Она могла отбиваться, отвечать ударом на удар, но не могла перейти в наступление. Она горела желанием победить, но победить не могла. Кутузов сражения не хотел, потому что заранее настроился на отступление, даже ценой сдачи Москвы. Он искренне считал, что только такая стратегия может привести к победе над Бонапартом. Но он понимал также, что сдать Москву без большого сражения нельзя. Его отнюдь не привлекала печальная участь Барклая-де-Толли, хотя он целиком разделял стратегию своего предшественника. Поэтому в предстоящем сражении его интересовало только одно: вовремя отступить, не допустив разгрома армии.

История подтвердила правоту Кутузова. Но как расценить военную хитрость полководца, когда она направлена против собственной армии? Так наездник из своих соображений сдерживает лошадь, рвущуюся к финишу.

Если бы Кутузов, как и его солдаты, поверил, что Наполеона можно победить, или, хотя бы остановить, возможно, и Москву сдавать не пришлось бы?

Вечером 6 сентября состоялся крестный ход. По русским позициям пронесли икону Смоленской Божьей Матери. Солдаты, офицеры и генералы облачились в чистое белье, и, кто как мог принялись коротать ночь в ожидании французской атаки.

ПРИХОД БОРОДИНСКОЙ БУРИ

"Сегодня немного холодно, но ясно. Это солнце Аустерлица". После этих слов Наполеона загрели залпы ста орудий французских батарей по всему фронту "Великой армии". Им ответили пушки корпусов Остермана, Дохтурова, Раевского и Бороздина. С этого момента канонада не умолкала в течение всех двенадцати часов боя.

Наполеон обзирал поле предстоящего сражения с Шевардинского редута, где устроил свою ставку. Ставка Кутузова находилась в глубоком тылу русской армии, в селе Татаринове, откуда главнокомандующий ничего не видел, но мог знакомиться с ходом сражения по донесениям адъютантов. Впрочем, он еще накануне передал бразды правления сражением в руки командующих армиями и корпусами, и больше ни во что не вмешивался.

Сражение началось боем за Бородино. С рассветом войска 4-го Итальянского корпуса Богарне пришли в движение. Они стали переправляться через речку Войну по мосту против села и выше по течению. В наступление на Бородино пошли 13-я пехотная дивизия генерала Дельзона и 14-я генерала Бруссье. Село защищали три батальона русских лейб-гвардии егерей. Оно не было укреплено, тем не менее егеря продержались около получаса. В то время как с запада, в лоб, их атаковал 18-й легкий полк из дивизии Бруссье, четыре полка Дельзона обошли Бородино с севера.

В первой линии шла бригада генерала Плозона. Его 106-й полк первым ворвался в село и оттеснил егерей к мосту через реку Колочу, и вслед за ними перешел реку. Барклай бросил на французов егерскую бригаду Вуича. После жаркой схватки генерал Плозон "пал жертвой запальчивости своих батальонов". Он стал первым из французских генералов, убитых в этой битве. Дельзону с трудом удалось остановить контрнаступление русских егерей. Только численное превосходство позволило ему удержаться в Бородине. Матросы гвардейского экипажа из команды мичмана Лермонтова сожгли мост через Колочу, чтобы воспрепятствовать повторной переправе французов, хотя некоторые отрицают это.

Впрочем, французы здесь больше не наступали. Более того, схватка за Бородино была лишь демонстрацией, благодаря которой вся Первая армия еще долго оставалась в бездействии, в то время, когда на левом фланге решалась судьба России.

Чтобы караулить русских, Евгений оставил против большей половины русской армии лишь кавалерийскую дивизию Орнано при шести пушках и дивизию Дельзона. Тот дал в помощь Орнано один полк, с остальными же засел в Бородине, свез туда всю свою артиллерию (некоторые утверждают, до сотни орудий, но у Дельзона их было всего 22) и стал обстреливать батарею Раевского во фланг.

Остальные войска вице-король перевел по мостам через Колочу и построился против стыка центра и левого фланга русских.

Переправа велась по трем мостам в виду расположения корпуса Раевского.

Русские егеря пытались помешать переправе, но дивизия Морана, поддержанная артиллерийским огнем с батареи генерала Пернетти, оттеснила их. Итальянцы продолжали переправляться и строиться.

Тогда же, еще в предрассветных сумерках, одновременно с Дельзоном на противоположном фланге французской армии двинулся вперед 5-й Польский корпус князя Юзефа Понятовского, племянника

последнего польского короля. Понятовский был сподвижником генерала Костюшко.

Поляки являлись одной из самых боеспособных частей "Великой армии", из Вислинских легионов состояла дивизия Клапареда корпуса Молодой гвардии императора. К тому же поляки, единственные в армии Наполеона, знали, что сражаются за свою свободу.

Впереди двигалась кавалерия, за ней пехота Красинского и Княжевича. Задачей поляков было дойти по Старой Смоленской дороге до Утицы, и нанести русским удар во фланг. И хотя до Утицы было не более трех верст, Понятовский добрался туда только через три часа. Возможно, некоторые историки сильно преувеличивают старегическое значение Старой Смоленской дороги.

В шестом часу двинулись и главные силы Наполеона. "Железный маршал" Луи-Никола Даву, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, уничтоживший в сражении под Ауэрштедтом (1806г) большую часть армии Пруссии, плвел на флешах две дивизии своего корпуса: героя Шевардина Компана и Дессе.

Артиллерийские батареи генералов Сорбье и Фуше открыли по флешам огонь. Правда, огонь поначалу оказался безрезультатным: батареи были удалены от русских позиций на полторы версты, что в полтора раза превышало дальность артиллерийской стрельбы. Пришлось подтягивать пушки ближе к русским позициям. Наконец, дивизия Компана пошла в атаку на южную флешу. Дивизия Дессе наступала правее, она вступила в бой с егерями Шаховского, которые одни только прикрывали левый фланг между флешами и Утицей. Русские артиллеристы и егеря отбили эту атаку картечью и прицельным ружейным огнем. Французы отступили. Тем временем были подтянуты пушки. Пятьдесят орудий открыли огонь по флешам. Дивизии перестроились, и после артподготовки возобновили атаку. Теперь Дессе поддержал Компана.

Русские снова встретили врага картечью. Компан был тяжело ранен, вслед за ним Дессе. Тогда "железный маршал" Даву лично возглавил бригаду Теста, и без четверти семь вытеснил гренадер сводной дивизии Воронцова из южной флеша.

Багратион срочно бросил в прорыв Тарнопольский и Одесский полки 27-й дивизии Неверовского, стоявшей во второй линии позади укреплений. В результате кровопролитного сражения французы были выбиты из флеша и отошли.

Багратион направил преследовать их ахтырских гусар и новороссийских драгун из корпуса Сиверса. Они гнали противника до опушки леса, но встретив выходящие из леса свежие силы французов, сыграли "апель" и отошли под прикрытием своих фланкеров.

Итоги французской атаки были печальны: Даву контужен, Компан, Дессе и Тест ранены. Был также ранен Дюплен, возглавивший дивизию после ранения Компана, получил свою 22-ю рану генерал-адъютант Рапп, которого Бонапарт прислал с той же целью.

Багратион начал стягивать силы, понимая, что главный удар Наполеон направит именно сюда. С резервами было плохо: позади дивизии Неверовского выстроились гренадерская дивизия Карла Мекленбургского и кирасирская Дуки. Он послал за подкреплениями.

Поскольку Кутузов был занят обдумыванием перспектив отступления, и в подкреплениях отказал (он в этот день всем отказывал), Багратион запросил помощи у Барклая.

Но тот, в свою очередь, был связан бессмысленной диспозицией, обязавшей его стеречь дорогу на Москву. К тому же всенародное оплевывание не прошло даром, известно, что в день Бородина Барклай искал смерти. Подкрепления он обещал, но Багратион скоро их не ждал, поэтому ему ничего не оставалось, как оголить соседние участки фронта.

Справа, у Раевского, пока было тихо, поэтому Багратион забрал у него половину его пехотного корпуса, и часть кавалерийского корпуса Сиверса. Одновременно он обратился за помощью к Тучкову-первому, стоявшему со своими частями слева от него, в Утице.

В это время Понятовский только-только вышел, наконец, из Утицкого леса к окружающим деревню полям. Не видя противника, и не имея данных разведки (незвизрая на то, что казаки Карпова располагались в лесу), Тучков отправил Багратиону половину своего корпуса, образцовую дивизию Коновницына, хоть и не обязан был этого делать, так как находился в подчинении у Барклая.

Сразу после ухода Коновницына Тучков был атакован Понятовским, и после ожесточенного боя отступил к находившейся у него в тылу высоте, называемой Утицким курганом.

В это время опасность снова нависла над флешами: после пробных атак Бонапарт нанес удар в полную силу. На южную флешу снова шел оправившийся от контузии Даву, на северную - огненно-рыжий маршал Мишель Ней, герцог Эльхингенский и будущий князь Московский (за доблесть, проявленную в Бородинской битве). "Огнедышащий Ней", герой всех без исключения Наполеоновских кампаний, которого современники сравнивали с богом войны Марсом.

Их атаку поддерживал кавалерией сам король Неаполитанский (профессиональным родством с которым по праву гордятся официанты всего мира), свояк Наполеона маршал Иоахим Мюрат. Атлетически сложенный,

разодетый в шелка и бархат, голубоглазый гасконец с кудрями до плеч, он не имел себе равных в управлении безумным вихрем кавалерийских атак.

На флешу был нацелен удар чудовищной силы: свыше тридцати тысяч человек при поддержке ста шестидесяти орудий. Первым его встретила 2-я сводная гренадерская дивизия генерала, князя Михаила Семеновича Воронцова, потомка выдающегося рода Воронцовых, дипломатов и государственных деятелей, о котором большинство, к сожалению, знает лишь со слов Пушкина, что он был "полумилорд, полуневежда, полуподлец" и т.д. А также "Голиаф" и "...лорд Мидас, с душой посредственной и низкой...".

В русской армии каждый батальон из четырех рот имел первой - гренадерскую, остальные же - обычные, мушкетерские. Гренадерские роты отличались рослыми солдатами и служили для прочих образцом. Из этих рот и были сформированы сводные гренадерские дивизии.

После короткого, но интенсивного артобстрела французы преодолели расстояние, отделявшее их от флешей, не обращая внимания на ливень русской картечи.

Дивизия Воронцова оказала героическое сопротивление, но почти вся погибла.

"Сопротивление моей дивизии не могло быть продолжительным: дивизия исчезла не с поля сражения, а на поле сражения, - писал Воронцов. - Из четырех тысяч человек на вечерней переключке оказалось менее трехсот, из восемнадцати старших офицеров осталось трое..."

Сам Воронцов был ранен штыком.

Дивизию Воронцова сменила 27-я дивизия генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского, про которого говорили, что он "царит в сердцах солдат". Под селом Красным возле Смоленска с семитысячным корпусом генерал Неверовский успешно отразил атаки пятнадцатитысячной кавалерии Мюрата. Его дивизия состояла из новобранцев, но сражались они не хуже опытных ветеранов. И все же, ввиду трехкратного перевеса сил противника, вынуждены были отступить, Неверовский при этом был контужен. Даву во главе дивизии Компана ворвался на северную флешу, Ней во главе дивизии Ледрю - на южную. Захватив флешу, французы попали под огонь находившегося во второй линии обороны редана, третьей флешу, повернутой углом на юг, в сторону возможного обходного движения противника, и были задержаны.

Было около восьми часов утра. Когда поредевшая дивизия Неверовского отступила, на помощь ей наконец подошли четыре батальона из дивизии Васильчикова второй линии корпуса Раевского, и гренадеры Карла Мекленбургского из резерва. Их контратаку возглавил сам князь Багратион. И снова французов выбили с флешей.

Но к ним шло подкрепление. Сам Мюрат с хлыстом в руке мчался во главе кирасирской дивизии корпуса Нансути. Очевидцы сравнивали эту атаку с движением стальной реки. Панцирные всадники напоминали колонну средневековых рыцарей. Русские снова встретили врага картечью. Колонна французов была расстроена, и тогда ее атаквали подошедшие вслед за гренадерами Карла Мекленбургского кирасиры Дуки и драгуны Скалона.

Блестящая французская конница была рассеяна. Мюрат, который только что ободрял своих солдат: "Славно, дети! Опрокиньте эту сволочь! Вы стреляете как ангелы!" - укрылся от атак русской кавалерии внутри одного из своих пехотных каре.

Теперь с его уст слетали другие слова: "Куда, мерзавец?" - так обратился он к командиру одной из отступавших бригад. В ответ же на оправдания последнего, что он не может больше оставаться в этом аду, Мюрат заявил: "Да? Но я-то ведь здесь остаюсь!"

И он своим щегольским хлыстом снова погнал французов в атаку на флешу.

ФЛЕШИ В ОГНЕ

Наполеон полностью владел ситуацией. Он верно рассчитал, что Кутузов будет с маниакальным упорством держаться за Новую Смоленскую дорогу, и беспрепятственно истреблял левый фланг русской армии. Его собственные войска тоже несли колоссальные потери, но он упорно гнал на смерть все новые дивизии. Говоря словами Велимира Хлебникова, Бонапарт "... метал тузы лучших полков, распечатывал новые и новые колоды людей".

Русская артиллерия пробивала опустошительные бреши в наступающих колоннах, что позволяло русским гренадерам держаться против неприятеля, уступая ему трехкратно в численности. Можно смело утверждать, что если бы в районе флешей до начала сражения были сконцентрированы адекватные противнику силы, русская армия имела бы все шансы контратаковать и отбросить неприятеля.

Еще хуже было с пушками. Наполеон давно ввел всю свою артиллерию в бой. Против флешей

сосредоточился огонь четырехсот орудий. Багратион стягивал всю имеющуюся под рукой артиллерию, но ее

все равно не хватало. Дело в том, что из 640 орудий русской армии 390 находились в резерве, и получить их оттуда было труднее, чем отбить у французов. И это, увы, не преувеличение. Более двухсот орудий так и простояло в резерве в течение всей битвы, не сделав ни одного выстрела!

Итак, пока большая часть русской армии продолжала оборонять Новую Смоленскую дорогу от ворон и полевых мышей, а грозные Масловские люнеты пугали жерлами двадцати четырех орудий лягушек в Москве-реке, Наполеон беспрепятственно наращивал и без того мощный удар по левому флангу русской армии.

Теперь он ввел в бой Вестфальский корпус Жюно. Жюно, пожалуй, единственный из блестящей когорты военачальников Наполеона отличался бездарностью. Он был одним из самых старых и верных соратников Наполеона, однако маршальского жезла так и не получил.

Он пересек поле по диагонали (его корпус стоял почти против корпуса Раевского), и ударил в промежутке между флешами и Утицей, где вел неравный (конечно же опять неравный, уступая неприятелю в два с половиной раза) бой корпус Тучкова. Напомним, что этот участок фронта, протяженностью около полутора верст, прикрывали только четыре батальона егерей князя Шаховского. На них и обрушился удар шестнадцати батальонов вестфальской пехоты, шестнадцати эскадронов конницы (в отличие от Даву и Нея Жюно не передал свою кавалерию Мюрату), и огонь тридцати орудий.

Русские егеря вели бой в рассыпном строю. Они могли только отстреливаться из нарезных штуцеров, которые отличались высокой точностью стрельбы, но требовали большего времени для перезарядки. Но несмотря на меткий ружейный огонь, егеря вынуждены были отступить.

Понятовский, выбив Тучкова из Утицы, готовился атаковать его на Утицком кургане.

Ни о каком стратегическом значении Ельнинского проселка, попавшего в историю под громким именем Старой Смоленской дороги, всерьез говорить нельзя. С таким же успехом французы могли наступать лесными тропинками, ориентируясь по компасу. Напомним, что Понятовский, который очень торопился занять Утицу, прошел по этой дороге три версты за три часа.

Стратегическая важность борьбы за левый фланг русской армии была в другом.

Новая Смоленская дорога, за которую так беспокоился Кутузов, сразу за первой линией русских войск сильно изгибалась к югу. В свою очередь строй русской армии, благодаря загадочному плану командующего, приобрел форму тупого угла с вершиной у батареи Раевского.

Из-за этого ядра, которые шли с перелетом над флешами, громили резервы в тылу Первой армии, а орудия, стянутые Дельзоном в Бородино, поражали тылы Багратиона. Французы выстроили свои пушки гигантской дугой вокруг этого угла, и ни одно из их ядер не пропало зря.

Это было опасно, но не смертельно. Смертельно было другое: отодвинутый левый фланг имел у себя в тылу ту самую Новую Смоленскую дорогу, которая благодаря своему изгибу проходила здесь довольно близко.

Разгромив левый фланг русской армии, предоставленный командующим своей участи, Наполеон выходил к стратегической дороге и брал русскую армию в "котел". Она оказывалась отрезанной от Можайска и прижатой к Москве-реке.

Барклай наконец не выдержал. И слепому было ясно, что, если Первая армия будет и дальше находиться на местах, отведенных ей диспозицией фельдмаршала Кутузова, она, если и увидит французов, то у себя в тылу.

По своей инициативе Барклай снял с крайнего правого фланга 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Карла Федоровича Багговута. Он шел на помощь гибнущему левому флангу очень долго - почти два часа, и по дороге принял участие в отражении атаки Евгения Богарне на батарею Раевского.

Разве нельзя было послать на помощь Багратиону того, кто стоял рядом с ним, или, по крайней мере, гораздо ближе? Ведь почти все русские генералы были учениками и соратниками Суворова и знали, что в бою дорог солдат и время. Но сейчас они теряли и то, и другое без счета.

Через полтора часа после корпуса Багговута из резерва будут, наконец, выделены три гвардейских полка в помощь Багратиону. Они стояли невдалеке от гренадерской дивизии Карла Мекленбургского, которая гибла на флешах под огнем французов, и могли бы оказать неоценимую помощь, будучи подтянуты вовремя. Они придут к Семеновской, когда Багратион будет смертельно ранен, флеша захвачены французами, а возглавивший Вторую армию Коновницын будет собирать осколки разбитого левого фланга.

Все перечисленные части были сконцентрированы вдоль магической Новой Смоленской дороги, поэтому и оставались в неприкосновенности. Кутузов крепко держал дверь дома, не замечая, что за спиной у него рушатся стены.

Оттеснив егерей Шаховского, Жюно также сконцентрировал фланговый огонь своих пушек на флешах. Штурмовые волны французов следовали одна за другой.

Незаметно до атаки Жюно на флеша подошла дивизия Коновницына, половина корпуса Тучкова-первого. В

составе дивизии находился генерал-майор Александр Алексеевич Тучков-четвертый, командовавший бригадой из Муромского и Ревельского полков. Коновницын успел вовремя. Ней, получив подкрепления, в результате очередной атаки овладел не только флешами, но и стоящим у них в тылу реданом, а некоторые французские солдаты даже пробились в деревню Семеновскую.

Сам командующий 8-м пехотным корпусом генерал Бороздин водил своих grenадер в штыковую контратаку.

Совместными усилиями французы были выбиты из укреплений, но ценой больших потерь. Был ранен командир grenадерской дивизии Карл Мекленбургский, погиб Алесандр Алексеевич Тучков. Те, кто бывал на Бородинском поле, могли видеть прекрасный Спасо-Бородинский женский монастырь, основанный на месте его гибели его вдовой М.М. Тучковой.

У французов потери тоже были огромны. Тело погибшего в этом бою начальника штаба 1-го корпуса генерала Ромефа было найдено московскими археологами лишь в 1984 году.

В ПОЛДЕНЬ

На стыке центра и левого фланга вице-король Евгений готовился к атаке батареи Раевского. Благодаря наступлению Морана, оттеснившего русских егерей от переправы через Колочу, ему удалось беспрепятственно переправить по трем мостам весь свой корпус, усиленный дивизией Жерара и кавалерийским корпусом Груши.

Наполеону пришлось начать атаку батареи раньше запланированного времени. Он видел, что основное пополнение идет на флешу из состава корпуса Раевского, и приказал коронованному пасынку немедленно начать атаку.

Непосредственно батарею защищали рассыпанные перед ней егерские полки и четыре батальона дивизии Паскевича, половину которой Багратион забрал на флешу. Промежуток между батареей и флешами был занят четырьмя батальонами дивизии Васильчикова, половина которой также была забрана Багратионом. В тылу этих остатков корпуса Раевского построились части кавалерийского корпуса Сиверса.

Снова соотношение сил было потрясающим: против четырех батальонов линейной пехоты, нескольких батальонов егерей и нескольких эскадронов конницы, защищавших батарею, Итальянский корпус с Жераром и Груши. За вычетом Дельзона и Орнано, он насчитывал 41 батальон пехоты и 29 эскадронов кавалерии.

Справа стоял нетронутый пока корпус Дохтурова, но он охранял дорогу.

О первой атаке на батарею сообщают только русские источники. В десятом часу головные дивизии Брусье и Морана двинулись на батарею. Французам было нечем гордиться. Атака была неподготовлена и отражена русской артиллерией. Французы отступили, и после длительного артобстрела вновь пошли в атаку.

В авангарде дивизии Морана шла бригада генерала Бонами. Не дожидаясь подхода основных сил, Бонами стремительно бросился в атаку. Эту сцену в романе "Война и мир" замечательно описал Толстой. Пьер Безухов беретя доставить боеприпасы на батарею. Писатель не исказил истины: на батарее действительно кончились заряды. 30-й линейный полк ворвался на батарею и вступил с русскими артиллерийстами в рукопашный бой. Орудия были захвачены, пехота Паскевича отброшена в овраг ручья Огник.

Начальник штаба Первой армии генерал от инфантерии и артиллерии Алексей Петрович Ермолов, вольнодумец и храбрец, друг Грибоедова и будущий "проконсул" Кавказа, о котором говорили: "Голова тигра на геркулесовом торсе", - увидел происходящее, находясь на позиции корпуса Дохтурова. Положение было критическим: французы уже разворачивали пушки батареи, чтобы обстреливать Багратионовы флешу с фланга.

Ермолов мгновенно сориентировался. Ближе всех к нему находился 3-й батальон Уфимского полка дивизии Лихачева. Ермолов отдал приказ командиру батальона, и, по собственным словам, развернув его "толпою в образе колонны", повел в штыки на батарею. По дороге к ним присоединился отступавший 18-й егерский полк, а за ним егерская бригада Вуича, выбивавшая на рассвете французов из Бородина.

В это время с противоположного фланга на французов ударили батальоны дивизии Васильчикова.

На исходе одиннадцатого часа, в результате дружного натиска, французы были выбиты с батареи. Генерал Бонами, получивший 20 ран, в том числе и штыковых, был взят в плен, сказав, что он - Мюрат. Несколько генералов, и более трех тысяч солдат убито. Но и русская армия понесла невосполнимую утрату. Граф Александр Иванович Кутайсов, начальник всей артиллерии, был самым молодым генералом в русской армии. Его отец, крещеный турок, был камердинером и брадобреем императора Павла. В ночь убийства государя он вел себя как последний трус, предав своего благодетеля.

Сын же его был воплощением храбрости. Александра Кутайсова любили и при дворе, и в армии, и в

обществе настолько же, насколько презирали и ненавидели Барклая.

Генерал-майор Кутайсов находился на позиции вместе с Ермоловым, и бросился в контратаку на французов бок о бок с ним. В бою Ермолов потерял Кутайсова из виду. Больше его никто не видел. После боя конь генерала вернулся без всадника, с забрызганным кровью седлом. Его смерть была воспринята с не меньшей скорбью, чем смерть Багратиона.

Но смерть Кутайсова имела еще и материальные последствия. В резерве артиллерии оставались еще почти две сотни орудий, которые были жизненно необходимы на позициях. Но в штабе главнокомандующего были, видимо, заняты вещами поважнее, потому что преступно забыли об этом. Все пушки так и остались в тылу до конца битвы. Лишить русскую армию трети всех ее орудий - такое было не по силам даже Наполеону!

Сам Ермолов сражался в первых рядах. Сломав свою шпагу, он подобрал банник, которым прочищали пушечный ствол и досылали в него порох и ядра, и орудовал им как дубиной.

Позже он рассказывал, что, наступая на батарею, бросал впереди себя горстями георгиевские кресты, которые у него были с собой, чем сообщил солдатам невиданный порыв. Но в этом не было надобности. Русские солдаты преследовали бегущих французов так долго, что Ермолов вынужден был просить командира кавалерийского корпуса Крейца, гусары и драгуны которого тоже приняли участие в контратаке на батарею, остановить нашу зарвавшуюся пехоту и гнать обратно.

В это время корпус Багговута проходил мимо батареи, направляясь на поддержку левого фланга армии.

Барклай послал приказ командиру 4-й дивизии этого корпуса Евгению Вюртембергскому остаться на этой позиции. Путь на левый фланг продолжила одна 17-я дивизия Олсуфьева.

Там, куда она шла, положение сложилось далеко не лучшим образом. Понятовский продолжал атаковать Тучкова, который располагал только гренадерской дивизией Строганова. К одиннадцати часам Понятовский вытеснил русских с Утицкого кургана и расположил на нем свои пушки. Возникла реальная опасность обхода левого фланга русской армии.

С подходом Багговута положение изменилось. Дивизия Олсуфьева ударила в стык между корпусами Жюно и Понятовского, Тучков смог перебросить Лейб-гренадерский и Графа Аракчеева полки на свой левый фланг и обойти фланги Понятовского.

В результате контратаки положение было исправлено, курган отбит. Но в бою был смертельно ранен Николай Алексеевич Тучков. Силы левого фланга возглавил генерал-лейтенант Карл Федорович Багговут. Он так и не успеет получить заслуженную награду за Бородино, поскольку вскоре погибнет в Тарутинском сражении.

Натиск Бонапарта на левый фланг русской армии не ослабевал. Он направил было Нею дивизию Клапареда, Вислинские легионы, из состава Молодой гвардии, но передумал, и послал дивизию Фриана, которую до этого держал в резерве. Флешы уже несколько раз переходили из рук в руки. Русские то оставляли их под натиском врага, то снова отбивали.

"Русские колонны на наших глазах двигались, как подвижные шанцы, сверкающие сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они несли громадные потери, но, собравшись с силами, эти храбрые воины вновь нападали на нас",- так сообщает об этом французский источник Пеле. Его соотечественник Жомини добавляет: "Более двух часов прошло в этих атаках".

Из резерва к Багратиону, наконец, выступили значительные силы: 1-я сводная гренадерская дивизия Кантакузена, три полка Лейб-гвардии (Измайловский, Литовский и Финляндский) и три кирасирских полка из 1-й дивизии Депредавича.

Багратион запросил помощи около семи часов утра. Она выступила где-то в половине одиннадцатого. Чуть позже, чем следовало, чтобы успеть спасти левый фланг и Вторую Армию от разгрома. Да и самому Багратиону не суждено было увидеть подхода этих подкреплений.

Источники расходятся в количестве атак, проведенных французами на Багратионовы флешы, расходятся даже во времени, когда Ней повел французов на последний штурм флешей.

Принято считать эту роковую атаку восьмой. Было около одиннадцати тридцати.

Помимо своего корпуса и корпуса Даву, Ней вел на флешы кавалерийский корпус Мюрата, дивизию Фриана и часть корпуса Жюно. Всего около 26 тысяч человек. Атаку обеспечивал огонь четырехсот орудий.

Багратион сумел сконцентрировать у флешей около 18 тысяч человек и три сотни орудий.

Барклай, окончательно убедившись, что французы наотрез отказываются атаковать его армию так, как это запланировал Кутузов, снял с правого фланга еще один, 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого и 2-й кавалерийский корпус Корфа, и отправил их в долгий и неблизкий путь на левый фланг. Если бы они летели на крыльях, и тогда не успели бы к финалу трагедии флешей.

Багратион смотрел как приближаются колонны противника.

Русская артиллерия снова встречала их в упор картечью. Колонны таяли, но продолжали наступать.

"Целые взводы падали разом", - сообщает Сегюр.

Во главе колонны корпуса Даву, не отвечая на выстрелы, в полный рост шел пятьдесят седьмой полк все той же бригады Теста дивизии Компана, что ворвался на южную флешь во время первой атаки.

Багратион не мог не восхищаться доблестью, даже если это была доблесть врага. "Браво!" - воскликнул он.

Французам снова удалось занять флешь. Багратион собрал остатки пехотного корпуса Бороздина,

кавалерийского корпуса Сиверса и кирасирской дивизии Дуки, и повел их в контратаку. Рядом с

Багратионом упал с коня врач 2-й армии Гангарт. "Поднимите Гангарта!" - велел Багратион, и двинулся

дальше. В этот момент осколок ядра раздробил ему голень левой ноги. Тяжело раненый, Багратион был

увезен в тыл. Дезорганизованная этой потерей Вторая армия пришла в полный беспорядок.

Возглавившему ее вместо Багратиона Коновницину удалось собрать остатки разбитой и опрокинутой армии

и отвести их к деревне Семеновской.

Кроме командующего Второй армией были тяжело ранены начальник ее штаба генерал Сен-При (русский

генерал), командир 8-го пехотного корпуса Бороздин. Были убиты и ранены многие другие генералы.

Коновницин обратился к Кутузову за подкреплением, но тот отказал. Впрочем, наконец и он проявил

инициативу: послал возглавить левый фланг принца Вюртембергского. Но поскольку принц сразу запросил

подкреплений, сменил его на безответного Дмитрия Сергеевича Дохтурова, невысокого, тучного и слабого

здоровьем, но "с душой, недоступной слабости", подлинного чернорабочего войны, словно бы созданного

для того, чтобы выполнять неисполнимые приказы, предупредив его: "Стоять до последней крайности!"

Генерал от инфантерии Дохтуров оказался истинным героем Бородинского сражения.

Тем временем итальянский вице-король готовил новую атаку на батарею Раевского. С захватом флешей французские артиллеристы плотно взяли батарею в гигантское полукольцо, и теперь поливали ее железным

ливнем.

Войска Богарне двинулись в атаку на батарею, когда приготовления к ее защите еще не были завершены.

Батарея была обречена, а с ней и вся русская армия. От того, что три пехотных и два кавалерийских корпуса

еще не вступали в бой, легче не было. Они находились не там, где надо, и были, в свою очередь, обречены

на последовательное истребление, как и те части, на помощь к которым они вовремя не подошли.

Забыв старую мудрую притчу, Кутузов предлагал Наполеону ломать русскую армию по одному прутику,

вместо того, чтобы уподобить ее толстому венуку.

Наполеон понял, что приблизился критический момент, когда из двух приблизительно равных по силе

армий одна начинает понемногу одолевать, затем преимущество сказывается все отчетливее, и - наконец -

перелом, за которым следуют разгром и истребление.

Он отдал приказ дивизии Роге из состава Молодой гвардии двинуться вперед. Спасти русскую армию от

разгрома могло только чудо.

РЕЙД

Вероятно, Бонапарт пережил не одну неприятную минуту, когда в тылу своего левого фланга заметил

поднимающиеся столбы пыли и услышал страшное слово: "Казачи!"

Принято считать, что около полудня, увидев (что он мог увидеть из Татаринова?) бедственное положение

левого фланга и батареи Раевского, Кутузов направил легкую конницу в рейд по тылам противника и этим

блестящим ходом вырвал победу у Наполеона.

Но почему-то среди генералов, представленных после битвы к наградам, не оказалось только

непосредственных участников рейда: Уварова и Платова.

Видимо это заставило автора "Истории казаков" А.А.Гордеева утверждать, что в день Бородина Платов был

болен, и в сражении не участвовал.

1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала от кавалерии Федора Петровича Уварова и девять казачьих

полков атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии, Матвея Ивановича Платова стояли за

правым флангом Первой армии, на страже Новой Смоленской дороги.

Идея главнокомандующего послать их в глубокий рейд в обход левого фланга противника вполне понятна.

Но маловероятна.

Если бы Кутузов отправил их в районе полудня, в критический момент сражения, они достигли бы

французских тылов часам к трем, когда русская армия уже отступила со всех позиций и сгруппировалась у

Горицкого оврага.

Уваров и Платов выступили в рейд, очевидно, после ухода корпуса Багговута, всеми брошенные и забытые,

как и гарнизон Масловского люнета.

Разъезды Платова принесли ему известие, что французы ушли, оставив небольшой кавалерийский корпус Орнано и один полк линейной пехоты.

Вряд ли Кутузов благословил бы их в эту пору оставить позицию у стратегической дороги, да и надобности в рейде тогда еще никакой не было. Поэтому сам факт того, что казаки Платова в полдень, в самый нужный момент оказались в нужном месте, то есть позади левого фланга французов, внесли панику в обозную прислугу и заставили Наполеона сесть на лошадь и проехать немного в сторону очага беспокойства, следует приписать вмешательству Русского Бога. Того самого, что "...к дурням полон благодати, к умным - беспощадно строг. Бог всего, что есть нектаги..."

При этом наступление на батарею Раевского было приостановлено на два часа.

Рейд развивался следующим образом: Уваров, имея проводником от Платова принца Гессенского, переправился с 28 эскадронами и 12 орудиями через Колочу.

Казачий корпус Платова разделился. Сам Платов повел пять полков на Бородино, выслал к деревне Захарьино свои конно-артиллерийские роты. Другой отряд, из четырех казачьих полков, форсировал Колочу севернее и направился по большому радиусу на деревню Логиново.

Здесь, в междуречье Колочи и Войны, корпус Уварова встретил кавалерийскую дивизию Орнано, которая насчитывала шестнадцать эскадронов конных егерей при шести орудиях. Уступая русским в численности и артиллерии почти вдвое, Орнано не принял боя и стал уходить по плотине через Войну. Преследуя его, Уваров нагнулся возле плотины на 84-й линейный полк, оставленный здесь Дельзоном.

Полк принял бой, построившись в каре, выставив по углам пушки. Дельзон, распорядившись на левом фланге, направил в помощь 84-му полку 1-й линейный полк и срочно отправил в тыл обоз с прислугой (тех и не надо было подгонять).

Богарне не только остановил наступление на батарею Раевского, но и погнал корпуса Груши и гвардейский Лечки по мостам обратно на левый берег Колочи.

Наполеон, как уже говорилось выше, остановил дивизию Молодой гвардии Роге, и направил ее на север, к левому флангу.

На место же Роге поставил дивизию Молодой гвардии Клапареда.

Сам сел на лошадь и поехал на берег Колочи, чтобы разобраться на месте.

Если бы в русской армии нашлись силы атаковать в этот момент левый фланг французов, ход сражения вполне мог бы измениться.

Еще более благоприятная возможность осталась неиспользованной ранее, когда утром Евгений Богарне только переправлялся через Колочу по трем мостам. Мощный правый фланг русской армии из трех пехотных и трех кавалерийских корпусов вполне мог бы нанести сокрушительный удар по левому флангу французской армии. Тогда как наш левый фланг, хоть немного подкрепленный из резерва, мог бы отражать лобовые атаки Бонапарта непредсказуемо долго ввиду фантастической стойкости русских солдат, что они не раз доказали в этот день.

Вероятно, будь на месте Кутузова его учитель, так бы и случилось, а Бородино стало бы вторым чудовищным Прейсиш-Эйлау. Или Фриландом для Наполеона?

Но вернемся от беспочвенных фантазий к суровой реальности.

Уваров трижды атаковал каре французов, но те отбивали атаки его лейб-кавалерии на тридцати шагах.

Тогда Уваров развернул свою конно-артиллерийскую роту и открыл по французам огонь. Пушки оказались страшнее конницы.

Полк не выдержал и отступил через плотину.

Уваров хотел переправиться следом, но увидел, что к французам идет подкрепление: 8-й легкий полк, итальянская гвардия и три конно-егерских полка из дивизии Шастеля корпуса Груши. С такими силами Уваров предпочел не связываться и отступил. В это время с севера подошли четыре казачьих полка, которые переправились через Войну выше по течению, но на протяжении нескольких верст не нашли ничего, кроме леса и кустарника.

Их появление заставило французов отступить от плотины.

Казаки беспрепятственно перебрались по ней на свой берег, к Уварову, и вернулись вместе с его корпусом.

Платов в Бородино тоже остался ни с чем, так как французы засели в домах, и его конница ничего не могла с ними поделать.

Кутузов остался крайне недоволен результатами рейда, хотя благодаря ему за два часа передышки Барклай успел заменить расстроенные остатки корпуса Раевского.

На его место, влево от батареи, стал 4-й пехотный корпус генерала от инфантерии Александра Ивановича Остермана-Толстого, снятый наконец, с никому не нужной Новой Смоленской дороги. Принц

Вюртембергский с бригадой Пышницкого, стоявший здесь, смог направиться к своему корпусу Багговута, который дрался против Понятовского и Жюно на крайнем левом фланге.

После падения флешей Багговуту также пришлось отойти, чтобы не быть отрезанным, и Понятовский снова овладел Утицким курганом.

Батарею заняла дивизия генерал-майора Петра Гавриловича Лихачева. Этот храбрый человек был тяжело болен и не мог стоять, поэтому сидел на походном табурете. Правее батареи стала 7-я дивизия Капцевича, тоже из корпуса Дохтурова. Сам Дохтуров отправился возглавить левый фланг, совершенно расстроенный и дезорганизованный после ранения Багратиона.

Этот момент сражения, приблизительно около половины первого, запечатлен на полотне Франца Рубо.

БОЙ У СЕМЕНОВСКОЙ

Первоначальный вариант панорамы Бородинской битвы был забракован самим царем, так как на картине изображались события, имевшие расхождение во времени на час: контратака Багратиона на флешу и контратака Ермолова на батарею Раевского.

Для второго варианта, который и лег в основу существующей панорамы, основой послужил момент после прибытия Дохтурова ко Второй армии.

Он сам изображен с группой офицеров возле горящего дома на окраине деревни Семеновской, через которую проходит возвращающаяся в бой гренадерская дивизия Карла Мекленбургского.

Дохтуров прибыл ко 2-й армии, когда из резерва к Семеновской как раз подошли три Лейб-гвардии и три кирасирских полка, которых тщетно ждал Багратион.

Коновницын успел расставить их на высотах над Семеновским ручьем и за деревней. Вправо от гвардейской пехоты он поставил то, что осталось от его образцовой дивизии, еще правее - 1-ю сводную гренадерскую дивизию Кантакузена, и, наконец, сильно потрепанные и измотанные, но не сломленные остатки собственно Второй армии Багратиона - корпуса Бороздина и Раевского.

Ней передвинул батарею Сорбье вплотную к Семеновской, и добавил к ней столько пушек гвардейской конной артиллерии, сколько туда смогло вместиться. Получилось 85. Она открыла по русской пехоте убийственный огонь. Затем стрельба прекратилась, и на пехоту обрушился вал конницы. На Лейб-гвардии Финляндский, Литовский и Измайловский - кирасиры корпуса Нансути, а на остатки дивизий Воронцова и Васильчикова - саксонские кирасиры Лоржа и польские уланы Рожнецкого из корпуса Латур-Мобура. Посредине между ними при поддержке артиллерии пошел в атаку пехотный корпус Фриана.

Лейб-гвардейцы построились в каре и отбили три атаки панцирной конницы. Во время их атак пушки переставали стрелять.

"Атаки конницы были отдыхом для русской пехоты от страшного артиллерийского огня", - пишет Богданович.

Остатки Второй армии были сильно ослаблены и не выдержали удара тяжелой конницы. Не устояли и драгуны Сиверса. Но тут саксонцев встретила бригада Бороздина-второго, в составе которой шли Его Величества, Ее Величества и Астраханский кирасирские полки. Во фланг саксонцам ударили ахтырские гусары. Кирасиры Лоржа были отброшены за Семеновскую.

Польских улан остановили киевские и новороссийские драгуны.

Этот момент сражения является основной и самой яркой частью Бородинской панорамы.

Бой за Семеновскую решила атака 2-й пехотной дивизии Фриана. Сам Фриан был ранен, но французы укрепились в Семеновской. Дохтуров отвел свои части на версту к востоку и закрепился здесь. Части отступили "в величайшем расстройстве", сообщает Барклай. Только три Лейб-гвардейских полка отошли в "изрядном устройстве" и соединились с 1-й бригадой Гвардейской дивизии Розена.

Густая пыль скрывала от французов подлинное состояние русских войск, но никто из них - ни Ней, ни Даву, ни Мюрат не имели сил возобновить наступление.

Ней только еще ближе подвинул артиллерию, она добивала остатки Второй армии и обстреливала фланг батареи Раевского.

Две сотни пушек, забытых штабом в резерве, могли бы очень пригодиться сейчас русской армии.

БАТАРЕЯ СМЕРТИ. ФИНАЛ БОЙНИ

К 14 часам французы разобрались у себя в тылу и перестроились для решающего штурма батареи Раевского, которую они называли Большим редутом, а впоследствии назвали "Редутом смерти".

Вице-король Евгений выстроил против батареи на расстоянии 300-400 шагов от нее дивизии Жерара,

Морана и Бруссье. Во второй линии слева, со стороны Бородина, выстроились 8 полков кавалерийского корпуса Груши; в центре - корпус Монбрена; справа, от Семеновской - Латур-Мобура.

Артиллерия одной сплошной батареей гигантским полукольцом окружила русскую позицию.

Наполеон вернулся на Шевардинский редут и оттуда смотрел на картину предстоящего его армии последнего натиска.

Батарею защищала 24-я дивизия Лихачева. Справа от батареи стояла 7-я дивизия Капцевича, слева - 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого. Позади батареи встали последние резервы - цвет Лейб-гвардии, Семеновский и Преображенский пехотные полки, и конные - Кавалергардский и Лейб-гвардии конный.

Во втором часу пополудни артиллерийская канонада с обеих сторон разразилась с новой силой.

В атаку снова пошла французская кавалерия. Луи-Пьер Монбрен, лучший кавалерийский военачальник, пал, сраженный русским ядром с батареи. Его корпус возглавил Огюст Коленкур, генерал, без двух минут маршал, который "участвовал в большем числе сражений, чем прожил лет". Он поклялся императору, что живой или мертвый, но взойдет на батарею.

Сверкающая колонна лучшей кавалерии Наполеона, "железных людей", как их называли, устремилась через Семеновский ручей на батарею. Части корпуса Дохтурова, защищавшие батарею, были оттеснены назад и опрокинуты в Горицкий овраг, а шедший замыкающим в колонне "железных людей" 5-й кирасирский полк завернул и ворвался на батарею с горжи.

Но Бутырский полк дивизии Лихачева и правифланговые части 4-го пехотного корпуса выбили французов. Коленкур сдержал слово. Он был убит в горже батареи.

На помощь всадникам Коленкура шел корпус Латур-Мобура.

Польские уланы Рожнецкого наступали справа во фланг, саксонские кирасиры - в лоб. Бруствер батареи, и без того недостроенный, теперь вообще не представлял собой никакого препятствия.

Саксонцы ворвались на батарею через вал и ров. Дивизия Лихачева дрогнула, но удержала позицию. Поляки были остановлены ружейными залпами с 40 шагов Перновским и Кексгольмским полками 11-й пехотной дивизии.

Вице-король бросил на батарею пехотные корпуса Жерара, Морана и Бруссье. Русские артиллеристы выполнили завет своего начальника генерала Кутайсова: "Пусть возьмут вас с оружием, но последний картечный выстрел выпустить в упор..."

Защитники батареи погибли до единого человека. Большой и раненый генерал Лихачев бросился на штыки французов, но был взят в плен.

За все сражение в плен попали два генерала: с французской стороны Бонами, с русской - Лихачев. Оба были захвачены тяжело ранеными, и, практически, на одном и том же месте.

Около трех часов пополудни русская армия оставила батарею Раевского и отошла к востоку. Французам достались два десятка орудий, из них тринадцать разбитых.

Русская армия оставила все позиции кроме деревни Горки, стоявшей у Новой Смоленской дороги. Здесь располагалась батарея, которая своим огнем поддерживала отступающие части. Они собрались приблизительно в версте восточнее Курганной высоты и вновь перестроились для боя.

Французы снова пошли вперед. Саксонские кирасиры Латур-Мобура, "железные люди" Ватье и гусары Груши обрушились на русские пехотные полки.

Против них выступили Изюмский гусарский и Польский (русской армии) уланский полки корпуса Корфа, но они не успели развернуться и были смяты.

Положение спасли последние свежие части из резерва. На французских кирасир ударили русские кавалергарды. С фланга их прикрывали конногвардейцы. "Кавалергарда век недолог...".

Командир полка барон Левенвольде пустил первый эскадрон в галоп, и едва успел крикнуть ротмистру Давыдову: "Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо..."; - как был убит картечью.

Атаку возглавил сам Барклай-де-Толли. Все новые полки то русской, то французской кавалерии попеременно атаковали друг друга.

Были ранены Латур-Мобур и Груши. Под Барклаем убило четырех лошадей, смерть настигла нескольких его адъютантов, но сам он был неуязвим. Убитых и раненых с обеих сторон невозможно было сосчитать.

"Лошади павших всадников бегали целыми табунами", - писал Богданович.

Наполеон так и не ввел в бой гвардию, ни Старую, ни Молодую. Таким образом у него оставались еще нетронутыми 32 батальона пехоты и 31 эскадрон конницы.

У русских осталось восемь батальонов егерей, забытых на правом фланге, и более двух сотен стволов артиллерии, так же забытых в резерве.

К вечеру русская армия отступила за Горицкий овраг. Край левого фланга под командованием Багговута также вынужден был все время отступать по Старой Смоленской дороге под прикрытием казаков Карпова,

чтобы не быть отрезанным от центра. Канонада продолжалась до темноты, кое-где еще происходили кавалерийские схватки.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Около 20 часов вечера угасли последние звуки битвы. На Бородинское поле надвигалась ночь. Русские войска, выбитые со всех основных позиций, отступили на версту и попытались укрепиться на новых. Однако говорить о панике и желанном для Наполеона разгроме противника не приходилось. Кутузов заявил флигель-адъютанту Барклая Л.А.Вольцогену, который выразил мнение, что сражение проиграно: "Неприятель отражен на всех пунктах, завтра, погоним его из священной земли русской!" Более того, Барклаю де Толли было предписано строить у Горок редут, а Милорадовичу перед рассветом взять батарею Раевского.

Но в полночь армия получила категорический приказ отступать.

Два обстоятельства повлияли на это решение Кутузова: огромные потери и наличие у Наполеона неиспользованного резерва - гвардии, тогда как у русских все резервы, даже ополчение, были задействованы без остатка.

13 сентября на совете в Филях, когда дебатировался вопрос о втором сражении за Москву, Кутузов при поддержке Барклая принял, к ужасу большей части генералов, решение сдать столицу без боя.

" Наполеон - бурный поток, который мы еще не можем остановить", - так объяснял свое решение Кутузов.

Через неделю после Бородинской битвы русская армия ушла из Москвы, и тотчас же в нее вступил Наполеон.

Самым дискуссионным вопросом Бородина является вопрос о потерях сторон. И та, и другая старалась списать свои и приписать побольше противнику. Потери русских, однако, всегда отличались меньшим разбросом оценок.

Начиная с официального дворянского историографа 1812 года А.И.Михайловского-Данилевского, определившего общие потери русской армии в 58 тысяч человек, все отечественные историки придерживались порядка цифр 50-58 тысяч.

Примерно такие же данные приводились на страницах зарубежной историографии. Но с 1954 года, благодаря заслугам Л.Г.Бескровного, потери резко снизились, составив 38,5 тысяч.

Эта цифра была официально утверждена и стала, по существу, единственной для всех работ, вышедших до 1988 года. Только Б.Ц.Урланис в своем знаменитом специальном труде "История военных потерь" завуалированно солидаризировался с мнением дворянского историка М.И.Богдановича, исчислявшего потери в 44 тысячи.

Н.А.Троицкий в 1988 году предложил новую цифру, основываясь на неиспользованных материалах Военно-ученого архива Главного штаба России, - 45,6 тысячи человек (из них, по данным Б.Ц.Урланиса, 13 тысяч убитых). В настоящий момент эта цифра становится общепринятой.

Сведения о французских потерях куда более разноречивы.

По официальным данным, приведенным П.Денье на основе материалов Архива Военного министерства Франции, армия Наполеона потеряла 28 тысяч, из которых было убито 6,5 тысяч человек.

В большинстве работ зарубежных авторов называется цифра около 30 тысяч. Наибольшую сумму потерь назвал французский военный статистик Гастон Бодар в своей работе, вышедшей в 1916 году. Она составила 42 тысячи человек. Интересно, что в знаменитом словаре военной истории, изданном в 1908 году под его редакцией, этот исследователь писал о 28 тысячах.

Российский взгляд на французские потери был существенно иным: значительное большинство историков XIX - начала XX веков и часть советских оперировали цифрой 50 тысяч, пущенной в оборот генерал-губернатором Москвы Ростопчиным. Начиная с 1941 года, ее значение, "уточненное" Б.Л.Кацем, достигло классической отметки 58 тысяч.

По этому поводу Н.А.Троицкий заявил, что "отечественные историки поднимают цифры французских потерь... произвольно".

Что сказать относительно существующего противоречия в оценках? Очень может быть, что истина колеблется в пределах между 28 и 42 тысячами. Но в любом случае соотношение потерь складывается не в пользу русских.

Теперь мы вплотную подошли к вопросу, интригующему почти два столетия любителей военной истории: кто победил в Бородинской битве?

"Во всем ходе сражения не наблюдается ни малейшего проявления большого искусства или интеллигентности; это спокойная борьба между собой противостоящих сил, а так как последние были почти

равными, то и не могло произойти ничего иного, как только медленное опускание чаши весов на ту сторону, на которой была большая энергия в руководстве и большой боевой опыт в армии".

Так ответил на него Карл Клаузевиц, крупнейший военный теоретик XIX века и непосредственный участник битвы на стороне русских.

Отказ Наполеона от обхода левого фланга русских, который представляется многим военным специалистам необоснованным, повлек за собой обмен фронтальными лобовыми ударами и контрударами, что, в свою очередь, превратило сражение в бойню и привело к ужасающим потерям с обеих сторон.

Помимо уже известного общего их числа, французы потеряли 49 генералов, причем 10 - убитыми. Особенно ощутимой была гибель двух лучших кавалерийских военачальников - Мюллера и Огюста Коленкура.

Русские потеряли 29 генералов, из них убито 6. Но в их числе оказался сам князь Багратион (умерший от раны, которую сейчас не признают смертельной) и начальник артиллерии армии генерал майор Александр Иванович Кутайсов.

Показателен и тот факт, что за время боя русские захватили 1000 пленных и 13 пушек, французы также 1000 человек и 15 орудий.

Почему наступающая сторона в этом бою, или, вернее сказать, бойне, понесла меньшие потери, чем обороняющаяся? Ответ на этот вопрос следует искать в искусстве руководства войсками на поле боя, и в особенностях расположения ставки. Кутузова.

Прежде всего следует отметить несомненное превосходство Наполеона в эффективности и использования артиллерии. Номинально уступая русским в количестве и по калибру орудий, французы, используя маневренность своей артиллерии, смогли создать решительный перевес в огневой мощи на всех ключевых участках противоборства, ведя более концентрированную стрельбу.

При этом в резерве у русских оставалось значительное количество пушек, насчитывавшее вместе с бездействовавшими в Масловских укреплениях, свыше 200 стволов.

Причина этого заключалась в неурядицах в штабе Кутузова. Последний не назначил вместо убитого на ранней стадии сражения Кутайсова нового начальника артиллерии, о чем в штабе даже не вспомнили, что привело к дезорганизации управления этим родом войск.

Неудивительно, что французская артиллерия израсходовала за все время боя 90 тысяч зарядов, тогда как русская 60 тысяч.

Убийственным потерям от артиллерийского огня также способствовала чрезвычайно большая плотность и малая глубина построения русской армии на позиции с относительно узким фронтом. Французы вели обстрел сразу всех линий боевого порядка, включая резервы.

Вообще говоря, Наполеону удавалось при Бородино концентрировать на острие главных атак всегда большее количество войск, чем у русских, создавая численное превосходство в 2-3 раза. На это обратил внимание еще в 1830-е годы военный историк генерал Н.А.Окунев.

Это губительное для русской армии обстоятельство объясняется не только отлаженностью действий французского командования.

Кутузов с самого начала отдал наступательную инициативу Наполеону, ограничившись переброской частей и подтягиванием резервов к ослабленным пунктам обороны. Тем самым была создана предпосылка для оперативного отставания русских войск.

Кроме того, неправильное расположение частей на позиции, при котором на правом фланге оказались сосредоточены неоправданно крупные силы, тщетно ждавшие атак французов, сделало невозможной, из-за большого расстояния, своевременную переброску бесполезных там 2 пехотных и одного кавалерийского корпусов на помощь левому крылу армии.

Кутузов, из одного ему известных соображений, по меньшей мере странно расположил свой командный пункт: он находился глубоко в тылу, откуда невозможно было видеть, что происходит на поле боя.

Управление войсками осуществлялось через адъютантов, которым для того, чтобы добраться до главнокомандующего, надо было проскакать более километра только от расположения 2-й линии войск.

Невозможно не признать, что такое руководство войсками, напоминающее игру в шахматы по переписке, неизбежно должно было сказаться на быстроте маневров русской армии.

В этом контексте становится понятным, почему историк Скугаревский считал кавалерийский рейд Уварова и Платова - единственную наступательную акцию Кутузова - проведенным по инициативе командира 1-го кавалерийского корпуса и атамана Войска Донского "... от вынужденного безделья", поскольку о них, стоявших на неатакуемом крайнем правом фланге, попросту забыли. Впрочем, сам рейд, предпринятый малыми силами, не будучи бесполезным (французы отложили штурм батареи Раевского на 2 часа), не мог оказать существенного влияния на судьбу сражения, а Уваров и Платов, единственные из генеральского корпуса, не были представлены после боя к награде.

Таким образом, армия Наполеона, понеся, безусловно, меньшие потери, выбила Кутузова из всех главных позиций и принудила отступить. Далее русское командование нашло войска столь обесиленными, что не только отказалось от повторного сражения на следующий день, но и пошло на сдачу Москвы без боя и дальнейшее отступление за столицу, оставив в ней при этом около 22,5 тысячи раненых, большая часть которых сгорела во время московского пожара.

Все это позволяет сделать совершенно определенный вывод: Бородино - тактическая победа Наполеона или, как говорит историк Жан Тюлар, "успех французов у Москвы-реки".

КОГДА ПОБЕЖДАЕТ ПРОИГРАВШИЙ

Читатели, отдающие предпочтение категорическим недвусмысленным заключениям, могут на этом отложить статью, поскольку ответ на вопрос о победителе Бородина уже дан.

Однако это сражение, являясь с точки зрения военной истории простой бойней, примечательной только необычайной жесточечностью и потерями, со стороны влияния на судьбу Отечественной войны оказалось пресловутым камнем, брошенным в воду. Круги от его падения продолжали расходиться вплоть до переправы 14 декабря через Неман остатков "Великой армии".

Чтобы измерить истинную цену победы и поражения в этой битве, придется выйти за пределы Бородинского поля.

Наполеон, уже будучи в ссылке, однажды сказал: "Битва на Москве-реке была одной из тех, где проявлены наибольшие достоинства и достигнуты наименьшие результаты".

Двойственность ее итогов подчеркивал и Клаузевиц: "... под Бородино победитель удовлетворился половинной победой не потому, что он сомневался в исходе, а потому, что он был недостаточно богат, чтобы расплатиться за полную победу".

Но дело в том, что только решительная победа и могла устроить французов.

Как уже неоднократно отмечалось, Наполеон мог на нее рассчитывать, прибегнув к маневру по обходу левого фланга Кутузова, однако он предпочел этому журавлю в небе синицу в кулаке - фронтальное столкновение с русской армией.

Последующие события показали, что при таком варианте шансов на разгром противника у Наполеона практически не было.

Единственная теоретическая возможность желанного исхода возникла в конце сражения и связана с перспективой атаки последнего 18-тысячного резерва Наполеона на прорыв центра русских позиций после взятия батареи Раевского.

Ней и Мюрат неоднократно обращались к императору с просьбой о введении гвардии в дело. Они, как и все французские генералы, были уверены в том, что позиции Кутузова будут смятены, а левый фланг полностью уничтожен.

Такого мнения придерживался и генерал-квартирмейстер русской армии К.Ф.Толь. К нему же склоняются и многие современные военные историки.

Однако Клаузевиц, в числе немногих, поддержал Наполеона: "Как по казал дальнейший ход событий, положение было бы еще менее удовлетворительным, если бы одновременно с разгромом русской армии он вконец расстроил бы и свою, а такой исход глубоко ощущался Наполеоном, что и оправдывает его полностью в наших глазах".

Вероятный исход несостоявшейся атаки гвардии - вопрос без ответа, вернее сказать, с множеством гипотетических ответов. Скорее всего, это действительно была ошибка Наполеона. Но отнюдь не исключено, что даже возможный успех не смог бы привести к уничтожению русской армии.

В исторической реальности Бородино дало Наполеону ключи от Москвы, возможность "полюбоваться" московским пожаром и "погостить" в этом городе 36 дней. Но одновременно Бородино означало, что война окончательно проиграна и речь может идти только о спасении большей или меньшей части армии и престижа императора Франции.

Это стало очевидно для всех через месяц, после "московского сидения", когда выяснилось, что Александр I не пойдет ни на какие мирные переговоры, а армия Наполеона уже неспособна к наступательным операциям. Неверно утверждать, что в этом сражении французская армия "разбилась" о русскую, как считал генерал А.П.Ермолов, но ее сиюминутная пиррова победа означала отсроченное стратегическое поражение. Наполеон не смог уничтожить русскую армию, а прибыль от тактического успеха оказалась слишком мала, чтобы заплатить по векселям ошибок большой стратегии.

Бородино для русских в действительности было победой солдат и поражением их главнокомандующего.

Русская армия одержала победу тем, что не потерпела сокрушительного поражения и сохранила себя как

реальную боевую силу. Добиться этого удалось ценой нечеловеческих усилий и невиданных потерь. Французский генерал Ж.Пеле в своих воспоминаниях писал: "Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены до полудня. Эта армия заслужила величайшие похвалы".

Как ни старалась первая армия мира под командованием одного из лучших полководцев в истории войн разгромить русских в столь критической для себя ситуации, когда иной результат неприемлем, - из этого ничего не вышло.

Наполеон сказал впоследствии: "Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми".

Бородино поколебало уверенность французов в том, что они всегда в решающий момент могут взять верх над любым противником. В то же время русские осутили, что здесь, на своей земле, они никогда не уступят прославленной наполеоновской армии.

Поэтому в психологическом отношении победу в Бородинском сражении по праву одержали русские войска.

Подлинным же героем Бородина оказался русский солдат. Его исключительная стойкость опрокинула расчеты вражеского полководца и компенсировала просчеты (мягко говоря) своего собственного.

О Кутузове и его роли "постороннего" военачальника сказано уже достаточно. Действительно ли она равнялась нулю, как утверждал Клаузевиц, либо он был "хозяин битвы", по выражению Федора Глинки, другого участника сражения - судить об этом предоставляем читателям.

Завершить рассказ о Бородино можно словами современного историка Г.Е.Миронова: "Что касается величия подвига русского народа в войне 1812 года, то он в доказательствах не нуждается, как не нуждается и сама история этой войны в приукрашивании, фальсификации или мифологизации".